

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ ХУННУСКО-СЯНЬБИЙСКОГО ВРЕМЕНИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК*

Исследование процессов формирования культуры и этноса раннесредневековых тюрок Центральной Азии традиционно привлекает пристальное внимание специалистов различных областей знания. Рассмотрение комплекса вопросов в рамках обозначенной тематики имеет большое значение не только для изучения конкретной общности, но также для реконструкции исторических судеб многих народов Евразии. Долгое время процессы сложения этноса и культуры раннесредневековых тюрок рассматривались, главным образом, на основе материалов письменных источников [Кляшторный, 1965; Гумилев, 2002, с. 20-30; и др.]. Однако очевидная фрагментарность таких сведений по начальным этапам истории кочевников и низкая степень вероятности появления новых документов определяют важность анализа и комплексной интерпретации результатов раскопок археологических памятников.

Многие исследователи обращали внимание на присутствие в культуре тюрок ряда компонентов, характерных для населения предшествующего периода. При этом в большинстве исследований приводятся наблюдения, сделанные на основе сопоставления археологических материалов Алтая раннего средневековья (тюркская культура) и хуннуско-сяньбийского времени (булан-кобинская культура). В числе распространенных тезисов, представленных в научной литературе, следует назвать утверждение о генетической преемственности населения обозначенного региона в различных компонентах материальной культуры [Савинов, 1998; Горбунов, Тишкин, 2002], а также отдельных показателей погребального обряда [Мамадаков, 1990, с. 18–19; Могильников, 1995]. Осуществленный системный анализ предметного комплекса из памятников раннего кызыл-ташского этапа в развитии тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в.) показал присутствие в его составе достаточно представительной группы вещей, связываемых с традициями населения Алтая предшествующего времени [Тишкин, Серегин, 2011]. Казалось бы, это является веским доводом в пользу утверждения об участии в сложении тюркской культуры местного компонента, представленного комплексами позднего этапа булан-кобинской культуры Алтая. Однако результаты проведенного детального исследования погребальных памятников двух обозначенных общностей не позволяют сделать столь однозначного заключения. Традиции, характерные для обрядовой практики носителей булан-кобинской культуры, не находят устойчивого продолжения в материалах захоронений тюркской культуры. Захоронения с лошадей, создававшиеся населением Алтая хуннуско-сяньбийского времени, серьезно отличаются по ряду признаков от стандартных погребений

* Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Алтай в трансграничном пространстве Северной Азии (древность, средневековье современность)». Шифр 2012-1.1-12-000-3001-017.

тюрков раннего средневековья в данном регионе, а также на сопредельных территориях Тувы и Монголии. Такая ситуация заставляет по-новому взглянуть не только на вопросы определения компонентов сложения тюркской культуры, но и на исторические судьбы «булан-кобинцев». И если в первом случае имеющиеся материалы не позволяют предложить каких-либо однозначных реконструкций, то специфику истории населения Алтая хуннуско-сяньбийского времени после подчинения раннесредневековым тюркам представляется возможным рассмотреть несколько более подробно. Для этого обратимся к результатам исследования памятников раннего средневековья, полученным в ходе работ на территории Минусинской котловины.

Кочевые империи древности и средневековья представляли сложные полиэтничные объединения, включавшие различные группы населения. Общность раннесредневековых тюрков Саяно-Алтая и Центральной Азии, в состав которой на разных этапах развития входили многочисленные племена кочевников, не являлась исключением. Нивелировка материальной и духовной культуры, происходившая в рамках крупного политического организма, не исключала дифференциации локальных традиций, получивших отражение в материалах раскопок археологических памятников. Анализ комплексов тюркской культуры Саяно-Алтая и Центральной Азии позволяет сделать вывод о сложении на территории Минусинской котловины локального варианта тюркской культуры, условно обозначаемого как «минусинский» [Худяков, 2004, с. 89; Серегин, 2009]. В работах многих исследователей представлен опыт систематизации материалов раскопок раннесредневековых объектов Среднего Енисея. В числе прочих решался вопрос о времени и обстоятельствах появления тюрков в этом регионе. Наиболее последовательно представлена позиция ученых, придерживающихся точки зрения о том, что носители обряда захоронения в сопровождении лошади проникли на территорию Минусинской котловины не ранее VIII века [Худяков, 1979, с. 199; 2004, с. 89; Нестеров, 1985, с. 118; Митько, Тетерин, 1998, с. 403; Азбелев, 2009, с. 83]. Трактовка исторических обстоятельств при этом различная. По мнению Ю. С. Худякова [1979, с. 205-206; 2004, с. 94], поддерживаемого в настоящее время многими исследователями, тюрки появились на Среднем Енисее в результате военного похода 710–711 гг., известного по материалам письменных источников. С. П. Нестеров [1985, с. 118] предположил, что ключевым событием стал распад II Восточно-Тюркского каганата в середине VIII века.

Гораздо менее распространенной является точка зрения о раннем появлении тюрков в Минусинской котловине. Впервые такая позиция была представлена в монографии А. А. Гавриловой [1965, с. 5859]. Исследовательница отнесла к «кудыргинскому типу могил» объекты нескольких некрополей Среднего Енисея, включив в круг комплексов этого периода ряд заведомо более поздних памятников. Д. Г. Савинов [2005, с. 232] датировал наиболее ранние погребения тюрков на территории Минусинской котловины VI–VII вв., связав проникновение «какой-то группы алтайского населения на Средний Енисей» с завоеванием владения Цигу Мухан-каганом в середине VI века.

В работах указанных исследователей в той или иной степени раскрыта специфика погребальной и поминальной обрядности тюрков на территории Минусинской котловины, однако объяснения зафиксированным особенностям не представлены. Остались дискуссионными и другие аспекты, частично обозначенные выше. Учитывая важность детальной реконструкции процессов, происходивших на Среднем Енисее, для понимания раннесредневековой истории всего центрально-азиатского региона, очевидна необходимость решения накопившихся вопросов путем проведения специального исследования.

Осуществление объективной реконструкции процессов формирования конкретной общности по археологическим источникам требует анализа материалов всех известных памятников. При этом наиболее информативными являются хронологически ранние объекты, сохранившие совокупность показателей, отражающих сложение характерных черт обрядовой практики. Известно, что в археологических материалах процесс становления культурных традиций зачастую отражен весьма фрагментарно [Подольский, 2007,

с. 114–115]. Тем не менее, детальное исследование позволяет зафиксировать необходимые характеристики, являющиеся основой для дальнейших заключений.

Представляется возможным утверждать, что ранние памятники тюркской культуры Минусинской котловины датируются в рамках кудыргинского этапа в развитии данной общности (2-я половина VI — 1-я половина VII в.). Комплексы этого периода в рассматриваемом регионе, как и на сопредельных территориях, весьма немногочисленны [Серегин, 2012]. В Минусинской котловине к ним могут быть отнесены объекты, раскопанные на памятниках Усть-Тесь [Киселев, 1929, с. 146; Евтюхова, 1948, с. 60–61], Белый Яр-II [Поселянин, Киргинеков, Тараканов, 1999], Терен-Кель [Худяков, 1999]. Обозначенная датировка погребений основывается на анализе характерных форм предметов сопроводительного инвентаря.

Достаточно надежными хронологическими маркерами отмеченных погребений являются предметы конского снаряжения. В ряде захоронений тюркской культуры на территории Минусинской котловины обнаружены удила со стержневыми, с несколько загнутыми концами, роговыми (костьными) псалиями, которые традиционно рассматриваются как наиболее архаичные для археологических комплексов Саяно-Алтая 2-й половины тыс. н. э. [Гаврилова, 1965, рис. 16, 2; Овчинникова, 1990, с. 97]. Подобные изделия фиксируются в памятниках обозначенного региона и сопредельных территорий скифосакского и хуннуского периодов [Кляшторный, Савинов, 2005, рис. 2, 7; 3, 11; Соенов, 1998, рис. 1, 9] и обнаружены в погребениях раннего кызыл-ташского этапа (2-я половина V — 1-я половина VI в.) тюркской культуры Алтая [Тишкин, Серегин, 2011, рис. 1]. Такие псалии продолжали использоваться населением рассматриваемой общности и во 2-й половине VI — 1-й половине VII в., о чем свидетельствуют находки из погребальных комплексов Минусинской котловины [Киселев, 1929, табл. V, 13; Евтюхова, 1948, рис. 111; Поселянин, Киргинеков, Тараканов, 1999, рис. 17, 9; Худяков, 1999, рис. 2, 2], а также Алтая и Тувы [Гаврилова, 1965, табл. VII, 1; XX, 36; Трифонов, 1973, рис. 5; Суразаков, 1982, рис. 2, 7]. В памятниках катандинского этапа в развитии тюркской культуры (2-я половина VII — 2-я половина VIII в.) такие изделия уже не встречаются; их сменяют роговые псалии с двумя небольшими отверстиями, в которых крепились железные скобы [Гаврилова, 1965, рис. 8, 10; Грач, 1960, рис. 95; Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. 9, 7 и др.].

Весьма показательными в хронологическом плане находками из памятников тюркской культуры Минусинской котловины 2-й половины VI — 1-й половины VII в. являются стремяна характерных форм. Изделие из могильника Усть-Тесь [Киселев, 1929, табл. V, 12; Евтюхова, 1948, рис. 111, а] включает ряд ранних признаков: неширокая плоская подножка, несомкнутая в основании петля, а также вытянутый контур. Такие показательные черты петельчатых стремян отличают находки из комплексов тюркской культуры Алтая кызыл-ташского этапа (2-я половина V — 1-я половина VII в.) [Тишкин, Серегин, 2011, рис. 2]. Экземпляры, обнаруженные в ходе раскопок некрополей Белый Яр-II [Поселянин, Киргинеков, Тараканов, 1999, рис. 16, 19, 22; 17, 12, 14] и Терен-Кель [Худяков, 1999, рис. 3], демонстрируют типичные признаки стремян, получивших распространение в памятниках 2-й половины VI — 1-й половины VII вв. на обширных территориях и встречающихся в объектах более позднего времени достаточно редко: сравнительно узкая, в ряде случаев прямая, подножка с небольшой нервюрой или без ребра жесткости, небольшая вертикально вытянутая или слегка приплюснутая петля, округлый контур некоторых изделий, выделенная пластина на высокой ножке и др.

Более редкими, однако, не менее важными для датировки рассматриваемых комплексов, находками являются украшения конского снаряжения. Лепестковые бляхи подчетырехугольной формы, обнаруженные в одном из погребений некрополя Белый Яр-II [Поселянин, Киргинеков, Тараканов, 1999, рис. 17, 16, 17], судя по всему, восходят к накладкам, использовавшимся во 2-й половине VI — 1-й половине VII в. для декорирования колчана или пояса [Гаврилова, 1965, табл. XII, 2; XIX, 2; XXIV, 4, 5]. Начиная с середины VII века, они встречаются в составе украшений конского снаряжения [Савинов, 1982, рис. 10, 2; Горбунова, 2010, с. 54].

Другие вещественные материалы, обнаруженные в ранних памятниках «минусинского» локального варианта тюркской культуры, не имеют узкой хронологии, однако приведенных показателей достаточно для уверенного определения датировки обозначенных объектов в рамках кудыргинского этапа с возможным «заходом» в середину VII в. Дополнительным, хотя и косвенным, признаком можно считать отсутствие в рассматриваемых погребениях элементов предметного комплекса, получивших широкое распространение во 2-й половине VII — 1-й половине VIII в., прежде всего, характерной поясной гарнитуры «катандинского» типа. Добавим, что весьма интересным показателем, отличающим состав инвентаря, из захоронений Минусинской котловины рассматриваемого времени, является присутствие в погребении только одного стремени. Эта особенность отмечена при исследовании комплексов Алтая кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V — 1-я половина VI в.) [Горбунов, Тишкин, 2002, с. 45; Тишкин, Серегин, 2011, с. 21] и фиксируется в памятниках кудыргинского этапа на территории Тувы и Средней Азии [Вайнштейн, 1966, с. 303; Винник, 1963, с. 87; Трифонов, 1973, рис. 5 и др.]. Обнаружение только одного стремени, по мнению В. А. Могильникова [1994, с. 109], может объясняться реализацией ритуальных действий, связанных с порчей вещи перед помещением их в захоронение. На наш взгляд, преимущественная фиксация подобной традиции в ранних комплексах тюркской культуры обусловлена сохранением практики первоначального использования стремян в качестве односторонней подножки, предназначенной лишь для посадки на лошадь. Случаи помещения одного стремени в погребение отмечены и в более поздних памятниках Минусинской котловины, но не в столь устойчивом виде.

Погребальная обрядность, зафиксированная при исследовании ранних комплексов тюрков на территории Минусинской котловины, не включает каких-либо характеристик, резко отличающих памятники этого периода от объектов более позднего времени в данном регионе. Представляется возможным говорить о том, что основные показатели наземных и внутримогильных сооружений, а также погребального ритуала населения «минусинского» локального варианта сложились уже на кудыргинском этапе. Представим суммарную характеристику захоронений Минусинской котловины 2-й половины VI — 1-й половины VII в., с акцентом на рассмотрение традиций, не типичных для обрядовой практики кочевников тюркской культуры на сопредельных территориях, что в дальнейшем станет основой для заключений о специфике формирования локального варианта.

При исследовании ряда некрополей тюркской культуры Минусинской котловины, в том числе одного из ранних комплексов [Поселянин, Киргинцев, Тараканов, 1999], отмечены некоторые особенности взаимного размещения объектов. Курганы расположены компактно на ограниченном пространстве, зафиксированы также смежные насыпи, образующие своего рода «соты» [Митько, Тетерин, 1998, с. 380]. Такая планиграфия не характерна для могильников раннесредневековых тюрков на других территориях распространения общности. Также нетипичной является подквадратная форма насыпей-оград, отмеченная при раскопках отдельных памятников Минусинской котловины. Подобные сооружения единично зафиксированы на комплексах тюркской культуры Алтая [Соловьев, 1999, рис. 2, 3; Кубарев, 2005, табл. 40, 43] и, вполне вероятно, демонстрируют контакты кочевников с сопредельными районами. Более стандартными являются внутримогильные конструкции ранних погребений тюрков на Среднем Енисее. Почти во всех захоронениях с лошастью животное находилось на невысокой приступке, выше человека. Для «одиночных» погребений (без лошади) характерна простая могильная яма. Погребальная камера представлена в ряде памятников кудыргинского этапа в виде гроба. В одном захоронении зафиксирован подбой.

Показательным элементом обрядовой практики населения «минусинского» локального варианта тюркской культуры является погребальный ритуал. Анализ совокупности таких характеристик, как ориентировка и взаимное расположение умершего человека и сопровождавшей его лошади показывает, что во 2-й половине VI — 1-й половине VII в. у тюрков Среднего Енисея произошло сложение стандарта погребального ритуала, отлич-

ного от традиций кочевников рассматриваемой общности на других территориях [Серегин, 2009, с. 31; 2010, с. 177]. Для обрядовой практики номадов, рассматриваемой общности Алтая, Тувы и Монголии (более 60 % объектов), была характерна ориентировка человека в восточный сектор горизонта, противоположное направление лошади и расположение животного слева от умершего. Материалы раскопок погребений тюркской культуры Минусинской котловины демонстрируют другое сочетание показателей: человек и сопровождавшая его лошадь (или овца) направлены головой на запад, причем животное чаще находилось справа. Другим отличительным признаком является то, что лошадь в раннесредневековых захоронениях на Среднем Енисее нередко лежала на боку, в то время как в комплексах, раскопанных на сопредельных территориях, преобладает положение «на животе».

Обозначенные черты погребальной обрядности сохранились, и получили продолжение на последующих этапах развития «минусинского» локального варианта. Закономерным является вопрос о причинах таких серьезных отличий традиций населения тюркской культуры на Среднем Енисее от стандартных характеристик памятников рассматриваемой общности на сопредельных территориях. Логичным представляется предположение о том, что зафиксированная специфика ряда черт погребального обряда связана с особенностями процессов формирования локального варианта, а именно компонентов, принявших в этом участие.

На наш взгляд, ответ на данный вопрос требует обращения к результатам раскопок памятников предшествующего хронологического периода. Совокупность показателей, отличающих уже ранние погребения тюркской культуры Минусинской котловины, имеет устойчивые аналогии в материалах развитого и, особенно, позднего этапов булан-кобинской культуры Алтая хуннуско-сяньбийского времени (II–V вв. н. э.) [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 160–161; Тишкин, 2007, с. 179]. Представим эти схожие черты более подробно.

Для некрополей булан-кобинской культуры Алтая характерно компактное расположение курганов вплотную друг к другу. В ряде случаев смежные надмогильные конструкции образуют сооружения, напоминающие по форме «соты» [Соенов, 2003, с. 30; Матренин, 2005б, с. 11–12]. Такая ситуация весьма последовательно фиксируется в материалах комплексов позднего этапа данной общности [Соенов, Эбель, 1992; Соенов, 2000; Тишкин, Горбунов, 2003, с. 460 и др.]. Одним из вариантов оформления наземных конструкций у населения булан-кобинской культуры были подквадратные ограды. Подобные конструкции отмечены в ходе раскопок могильников Дялян [Соенов, 2003, с. 16], Кальджин-VI [Молодин и др., 2004, с. 159–160], Кок-Паш [Бобров, Васютин, Васютин, 2003, рис. 4, 7, 24, 25 и др.], Курайка [Слюсаренко, Богданов, Соенов, 2008] и др.

Достаточно распространенной формой погребального ритуала на развитом и позднем этапе существования булан-кобинской культуры Алтая было захоронение человека в сопровождении лошади при ориентировке погребенного в западный сектор горизонта. Животное, нередко положенное на бок, находилось слева или справа от человека, на одном с ним уровне или на невысокой приступке. В ряде случаев человек был помещен в подбое. Такая картина, весьма схожая с традициями погребального ритуала населения «минусинского» локального варианта, зафиксирована на могильниках Верх-Уймон [Соенов, Эбель, 1992; Соенов, 2000], Катанда-I [Гаврилова, 1965, с. 54], Степушка-I [Кирюшин и др., 2011], Чендек [Соенов, Эбель, 1992] и др., датирующихся в рамках IV–V вв.

Важно отметить, что обозначенная совокупность признаков погребального ритуала, характерная для отдельных групп населения булан-кобинской культуры, не получила развития в традициях какой-либо общности раннего средневековья, за исключением носителей «минусинского» локального варианта. Вместе с тем, на территории Среднего Енисея она появляется как будто в уже сложившемся виде. Традиция захоронения по обряду ингумации в сопровождении лошади не имеет корней в рассматриваемом регионе и, очевидно, была привнесена в Минусинскую котловину в середине VI века н. э. какой-то группой населения. Учитывая наличие комплекса схожих признаков, фиксирующихся

в материалах раскопок ряда некрополей Алтая IV-V вв. н. э. и памятников «минусинского» локального варианта тюркской культуры, представляется возможным рассматривать предположение о том, что этой пришлой группой были носители булан-кобинской культуры. Отметим, что обозначенным характеристикам наиболее полно соответствуют «айрыдашская» и «верх-уймонская» группы погребений «булан-кобинцев» [Матренин, 2005а, с. 97]*.

Полученные результаты анализа археологических материалов находят соответствие сведениям письменных источников. Одним из центральных сюжетов истории создателей Первого каганата была активная военная экспансия. Известно, что значительную часть войска тюрков составляли зависимые группы населения, включенные в империю кочевников. Интересную информацию в этом плане предоставляет часто цитируемый фрагмент китайской летописи, в котором сообщается о том, что тюрки «геройствовали в пустынях севера» силами многочисленных племен теле [Бичурин, 1950, с. 301]. Вполне вероятно, что в ходе реализации одной из военных операций, направленных на присоединение Минусинской котловины, были задействованы отдельные группы «булан-кобинцев», вошедших в состав каганата. Такой поход, судя по обоснованной выше хронологии ранних погребений «минусинского» локального варианта тюркской культуры, был осуществлен в середине — второй половине VI в.**

Необходимо подчеркнуть, что представленный в настоящей статье вариант реконструкции процессов происхождения «минусинского» локального варианта тюркской культуры является гипотезой, требующей не только дальнейшей проработки и развернутой аргументации, но также подробного обсуждения и проверки новыми материалами. Очевидна необходимость детального анализа целого ряда проблем, связанных с изучением этнокультурной ситуации на территории Среднего Енисея в середине I тыс. н. э. К примеру, неясным остается соотношение археологических комплексов тюркской и таштыкской культур в Минусинской котловине. Исследование этого вопроса актуально не только в свете имеющихся датировок погребальных памятников, но также учитывая полученные интересные результаты анализа таштыкских миниатюр V-VI вв. н. э. с изображениями «рыцарей», соотносимых, по мнению ряда исследователей [Савинов, 2008, с. 187-188; Панкова, 2011, с. 117, 138-139], с ранними группами тюрков, попавших на Средний Енисей во время их первой широкой экспансии. Не менее актуальным направлением работы остается изучение особенностей последующего развития общности раннесредневековых тюрков на территории Минусинской котловины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азбелев П. П. Общество и государство енисейских кыргызов в VII-VIII вв. // Вестн. СПбГУ, 2009. Сер. 12. Вып. 4. С. 78-89.
2. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1950. Т. 1. 380 с.
3. Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2003. 224 с.

* Следует признать, что отдельные черты, характеризующие погребальные комплексы «минусинского» локального варианта тюркской культуры, имеют аналогии и в других культурах Саяно-Алтая и сопредельных территорий «гунно-сарматского» времени. К примеру, «сотовая» планиграфия и захоронения в подбое фиксируются в материалах некрополей кокзельской культуры Тувы. Компактное расположение курганов и наземные прямоугольные конструкции известны в традициях «таштыкцев» Минусинской котловины. Однако устойчивое соблюдение всего комплекса показателей погребальных сооружений и ритуала отмечено только при исследовании ряда памятников булан-кобинской культуры Алтая.

** Не исключено, что подобные военные операции с участием «булан-кобинцев» осуществлялись и в других направлениях. В частности, об этом свидетельствуют материалы раскопок отдельных погребений кудыргинского этапа тюркской культуры с западной ориентировкой человека и лошади, раскопанных на территории Средней Азии [Кибиров, 1957, с. 86-87; Винник, 1963, с. 87].

4. Вайнштейн С. И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // ТТКАЭЭ. М. ; Л. : Наука, 1966. Т. II. С. 292–334.
5. Винник Д. Ф. Тюркские памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. С. 79–93.
6. Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 146 с.
7. Горбунов В. В., Тишкин А. А. О территории формирования тюркского этноса // Тюркские народы. Тобольск ; Омск, 2002. С. 43–46.
8. Горбунова Т. Г. Реконструкция конского снаряжения средневековых кочевников Алтая: методика и некоторые результаты. Барнаул : Азбука, 2010. 136 с.
9. Грач А. Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (Полевой сезон 1958 г.) // ТТКАЭЭ. Т. I. М. ; Л., 1960. С. 73–150.
10. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М. : Рольф, 2002. 560 с.
11. Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан : ХакНИИЯЛИ, 1948. 110 с.
12. Кибиров А. К. Работа Тянь-Шаньского археологического отряда // КСИЭ, 1957. Вып. XXVI. С. 81–88.
13. Кирюшин Ю. Ф., Шмидт А. В., Тишкин А. А., Матренин С. С. Исследование погребальных комплексов эпохи «великого переселения народов» в Центральном Алтае (могильник Степушка-I) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г.: Археология, этнография, устная история. Вып. 7. Барнаул, 2011. С. 92–98.
14. Киселев С. В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник гос. музея им. Н. М. Мартыанова в г. Минусинске. 1927. Т. IV. Вып. 2. С. 1–162.
15. Кляшторный С. Г. Проблемы ранней истории племени турк (ашина) // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 278–281.
16. Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2005. 346 с.
17. Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск : Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. 400 с.
18. Мамадаков Ю. Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н. э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 19 с.
19. Мамадаков Ю. Т., Горбунов В. В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. С. 115–129.
20. Матренин С. С. К вопросу о выделении типов погребений (по материалам памятников Горного Алтая II в. до н. э. V в. н. э.) // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005а. С. 93–98.
21. Матренин С. С. Разработка схемы классификации погребальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н. э. V вв. н. э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005б. С. 105–119.
22. Митько О. А., Тетерин Ю. В. О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. I. Новосибирск, 1998. С. 396–403.
23. Могильников В. А. Культурные кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 94–116.
24. Могильников В. А. К проблеме происхождения древних тюрок Алтая // Алтай и тюрко-монгольский мир. Горно-Алтайск, 1995. С. 142–145.
25. Молодин В. И., Полосьмак Н. В., Новиков А. В., Богданов Е. С., Слюсаренко И. Ю., Черемисин Д. В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск, 2004. 255 с.
26. Нестеров С. П. Таксономический анализ минусинской группы погребений с конем // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск, 1985. С. 111–121.
27. Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.
28. Панкова С. В. Воины таштыкских миниатюр: возможности атрибуции // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. Кемерово, 2011. С. 117–141.
29. Подольский М. Л. Феномен и парадоксы Минусинской степи (смена культурных доминант) // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. СПб., 2007. С. 113–128.
30. Поселянин А. И., Киргинеков Э. Н., Тараканов В. В. Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 1999. Вып. 2. С. 88–116.

31. Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 102–122.
32. Савинов Д. Г. О «скифском» и «хуннском» пластах в формировании древнетюркского культурного комплекса // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы ; М., 1998. С. 130–141.
33. Савинов Д. Г. Ранние тюрки на Енисее (археологический аспект) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий : проблемы интерпретации и реконструкции. Томск, 2008. С. 185–190.
34. Серегин Н. Н. Проблема выделения локальных вариантов тюркской культуры Саяно-Алтая // Социогенез в Северной Азии. Иркутск, 2009. С. 28–33.
35. Серегин Н. Н. Погребальный ритуал кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. Т. 9. Вып. 5. Археология и этнография. 2010. С. 171–180.
36. Серегин Н. Н. Погребальные комплексы кудыргинского этапа культуры раннесредневековых тюрок Саяно-Алтая и Центральной Азии (2-я половина VI – 1-я половина VII в.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор, 2012. Вып. 3. Т. 2. С. 432–441.
37. Слюсаренко И. Ю., Богданов Е. С., Соенов В. И. Новые материалы гунно-сарматской эпохи из Горного Алтая (могильник Курайка) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 7. Горно-Алтайск, 2008. С. 42–57.
38. Соенов В. И. Удила и псалии гунно-сарматского времени Горного Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 93–98.
39. Соенов В. И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2000. Вып. 5. С. 48–62.
40. Соенов В. И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ, 2003. 160 с.
41. Соенов В. И., Эбель А. В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. Горно-Алтайск : Изд-во ГАГПИ, 1992. 116 с.
42. Соловьев А. И. Исследования на могильнике Усть-Чоба-I на Средней Катуні // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. Вып. 4. С. 123–133.
43. Суразаков А. С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 121–136.
44. Тишкин А. А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.
45. Тишкин А. А., Горбунов В. В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2003. Т. IX. Ч. I. С. 488–493.
46. Тишкин А. А., Горбунов В. В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.
47. Тишкин А. А., Серегин Н. Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н. э.) : традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. Вып. 6. Барнаул, 2011. Вып. 6. С. 14–32.
48. Трифонов Ю. И. Древнетюркская археология Тувы // Ученые зап. ТНИИЯЛИ, 1971. Вып. 15. С. 112–122.
49. Худяков Ю. С. Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 194–206.
50. Худяков Ю. С. Древнетюркское погребение на могильнике Терен-Кель // Гуманитарные науки в Сибири, 1999. № 3. С. 21–26.
51. Худяков Ю. С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск : Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2004. 152 с.

**ALTAI POPULATION'S HISTORICAL FATE DURING
THE XIONG-NU — XIANBEI PERIOD IN THE CONTEXT
OF EARLY MIDDLE AGE TURKS' CULTURAL GENESIS PROCESS**

Researching the cultural and ethnic genesis process of the early Middle Age Turks of Central Asia is the issue which draws attention of specialists from many different spheres. A large number of questions are to be answered within the framework of the above-mentioned subject, which will be of significant importance not only to the studies of the particular ethnic unity, but to the reconstruction of historical fate of many peoples of Eurasia in general.

Many scholars paid their attention to the presence of certain components in the culture of Turks, which are typical for the population of the preceding period of time. Meanwhile, the majority of studies contain observations made basing on comparing Altai's archaeological materials of the early Middle Age (the Turkic culture) and the Xiong-nu — Xianbei epoch (the Bulan-Kobinskaya culture).

Ancient nomadic empires were in fact complex polyethnic unities which included various population groups. The unity of Middle Age Turks of Central Asia and the Altai-Sayan region, which included multiple nomadic tribes at different stages of its development, was not an exception. The material and spiritual culture's grading, taking place inside the large polyethnic body, did not reject differentiating local traditions, which were later reflected in the materials obtained during the course of archaeological monuments' excavations. The analysis of the complexes of the Turkic culture in Central Asia and Altai-Sayan allows us to make a conclusion concerning the formation of the local variant of the Turkic culture, also known as "Minusinskiy" on the territory of the Minusinsk Hollow.

The results obtained from analyzing archaeological materials correspond to information coming from written sources. One of the key historical episodes for the creators of the First Khanate is their active military expansion. We know that Turkic military forces consisted largely from vassal population groups that constituted the nomadic empire. One of the fragments of Chinese chronicles, which is often cited, presents some interesting information in this respect, telling that the Turks "also conducted their heroic actions in the northern deserts" as well, with the help of the numerous Teleuts (the Tiele people) [Bichourin, 1950, p. 301]. It is quite possible that in the course of one of such military campaigns aimed at adjoining the Minusinsk Hollow, some separate groups of the Bulan-Koby people, who became part of the Khanate, were involved in it as well. Judging by the chronology of the early burials of the "Minusinskiy" local variant of the Turkic culture, which was reviewed above, this campaign took place in the middle - the second half of the VI century.